

ЕКАТЕРИНА СВЕТ
ТАНЯ БЕЛКОВА

ЖИЗНЬ
СНОВА
МОЖЕТ
НАЧАТЬСЯ

МОИ РЕАНИМАТОЛОГ

— ТОЧКА ВОЗВРАТА —

Таня Белкова

Мой реаниматолог. Точка возврата

«Автор»

«Автор»

2026

Белкова Т.

Мой реаниматолог. Точка возврата / Т. Белкова — «Автор»,
«Автор», 2026

После тяжелого развода я приехала в Москву с одним чемоданом и решила: больше никаких мужчин. Только работа. Но заведующий реанимацией Руслан Власов встретил меня так, что захотелось развернуться прямо у порога. Холодный взгляд, железные требования — и ни капли доверия к новой медсестре-анестезисту. Первое же дежурство связало нас борьбой за чужую жизнь. А когда я заметила опасную подмену лекарств, меня попытались сделать виновной. Власов встал между мной и теми, кто привык покупать молчание. Рядом с ним я снова хочу верить, чувствовать, любить. Только цена правды растет с каждым днем. Сумею ли я довериться мужчине, с которым рискую потерять не только сердце, но и свободу?

© Белкова Т., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Екатерина Свет

Мой реаниматолог. Точка возврата

Мой реаниматолог. Точка возврата

Екатерина Свет и Таня Белкова

Глава

1

Сентябрьский дождь хлестал по мутным стеклам цокольного этажа седьмой городской клинической больницы, смывая остатки моего прошлого. Десять часов в душном плацкарте, один чемодан с вещами, выжженная пустота после тяжелого развода с Вадимом и синяя папка в руках. В ней лежали диплом медсестры-анестезиста с отличием, свидетельство о высшей квалификационной категории и личное рекомендательное письмо академика Самойлова. Столица встретила меня запахом сырого асфальта, прелой листвы и хлорамина. Под ребрами часто колотилось сердце, но ладони оставались теплыми, сухими и чуткими — профессиональная привычка не подводила меня даже в самые черные дни.

В раздевалке отделения реанимации и интенсивной терапии пахло старыми деревянными шкафчиками и дезинфектантом. Я переоделась в свой темно-васильковый хирургический костюм. В правый карман куртки привычно лег гибкий стержень в стерильной заводской упаковке — буж Эшмана с загнутым атравматичным клювом, подарок полевого наставника из ожогового центра. Без него на дежурстве я чувствовала себя безоружной.

— Очередная столичная ласточка по звонку сверху? — раздался скрипучий, недобрый голос у меня за спиной.

Старшая медсестра Клавдия Ивановна стояла в дверях, скрестив полные руки на накрахмаленном халате. Тяжелый прищур маленьких глаз из-под толстых стекол очков оценивал меня, словно лежалый товар. Она подошла к конторке и демонстративно захлопнула журнал выдачи ключей:

— У нас тут умирают за секунды, милочка. Отделению нужны рабочие лошади, способные сутками не отходить от коек, а не блатные барышни с записками от академиков. Свободных шкафчиков нет. Пальто можешь повесить на крючок у входной двери.

Я не отвела взгляда. Спокойно сделала шаг вперед и положила перед ней свой военный билет с отметкой военнообязанной и сертификат:

— Я приехала работать, Клавдия Ивановна. Восемь лет в ожоговой реанимации и экстренной токсикологии. Дайте мне ключ от третьего шкафчика и журнал сильнодействующих средств. Смену я приму по протоколу, до единой ампулы.

Старшая медсестра зацепилась взглядом за стаж и список допусков к наркотическим анальгетикам. Раздражение на ее лице сменилось вынужденным отступлением. Она нехотя швырнула на конторку латунный ключ с деревянной биркой:

— Халат на вешалке. Иди в шлюз. И упаси тебя бог наследить в чистой зоне.

В санпропускнике меня ждала вопиющая небрежность: локтевой дозатор настенного антисептика покрылся засохшей зеленой коркой, а вскрытая коробка перчаток валялась на пыльном кожаном батареи. Подавив вспышку гнева, я достала из кармана собственный флакон октенидерма, тщательно обработала кисти и предплечья ровно шестьдесят секунд и натянула стерильные перчатки из индивидуального пакета. Пожилая санитарка Люба, мывшая пол, удив-

ленно подняла голову и молча толкнула передо мной тяжелую маятниковую дверь в чистое отделение.

Ординаторская ОРИТ утопала в сизом утреннем полумраке. За широким столом, заваленным историями болезней и распечатками кардиограмм, сидел мужчина. Руслан Сергеевич Власов. Заведующий отделением. Высокий, широкоплечий, в черной медицинской куртке, с трехдневной темной щетиной и тяжелыми тенями под глазами. Он даже не поднял головы от мерцающего экрана монитора:

— Гордеева? Мне совершенно безразлично, кто звонил за вас из министерства. В моем отделении балласт вылетает на улицу за сутки. Одно опоздание, одна потерянная вена на шоке — и пойдете мыть полы в поликлинику. Понятно?

Я подошла к столу вплотную и положила синюю папку прямо перед его клавиатурой:

— Вопросов нет, Руслан Сергеевич. Проверьте меня на первом же тяжелом столе. Если не справлюсь — через час моё заявление об уходе будет лежать на этом столе.

Власов медленно поднял голову. Стальной, колющий взгляд серых глаз полоснул по мне, словно скальпель. В повисшей тишине мелькнула искра неподдельного, жесткого мужского удивления. Он усмехнулся уголком губ, с шумом захлопнул историю болезни и поднялся во весь свой огромный рост:

— Дерзкая. Посмотрим у операционного стола. На пост.

На сестринском посту дежурная смена раскладывала утренние лотки. Мой взгляд мгновенно зацепился за стеклянный флакон: «Пропофол-Эмульсия 1%, Серия 04-Б». Я подняла его к свету потолочного плафона и слегка качнула. Внутри белой липидной взвеси, у самого горлышка, плавала маслянистая пленка с желтоватым оттенком — грубый признак химического расслоения.

— Клавдия Ивановна, почему эмульсия нестабильна? Где оригинальный шведский Диприван?

Старшая медсестра раздраженно вырвала флакон из моих пальцев:

— Не твое дело! Централизованная поставка фарм-холдинга Баранова по городскому контракту. Что дали со склада, тем и работаем. Не вздумай умничать в первый же день!

В шлюзе послышался шум воды — Власов мыл руки перед входом в операционную. Я подошла к раковине:

— Руслан Сергеевич, во флаконе признаки деэмульгации. Раствор нестабилен, его категорически нельзя пускать в вену!

Власов даже не повернул головы, растирая локти хлоргексидином:

— Гордеева, прекратите панику! На склад пришло четыре тысячи упаковок, начмед лично завизировал приемку. На пандусе скорая: падение с лесов, высота девять метров, сочетанная политравма, тупая травма живота, внутреннее кровотечение. Не время для фармакологических дискуссий, набирайте то, что в укладке!

Я сжала зубы, подчиняясь субординации. Вскрыв флакон через стерильную салфетку, я поднесла его ближе: вместо нейтрального запаха сои в нос ударил резкий технический душок, напоминающий ацетон. Клиническая интуиция взвыла сиреной. Набирая двадцать миллилит-

ров в шприц Перфузора, я незаметно сунула в карман ампулы адреналина и норадреналина, согревая их теплом ладони.

В противошоковый зал № 1 санитары на полной скорости вкатили каталку. Молодой парень — монтажник Алексей — хрипел, мечась по жесткому матрасу, серый липкий пот градом катился по лицу.

— Падение с лесов! Давление падает, живот как доска! — на бегу кричал фельдшер.

Алексей вырывался, срывая датчики. Медсестра Света в панике металась с манжетой тонометра. Я подошла к изголовью, накрыла его взмокшее предплечье своей теплой ладонью и мягко заглянула в расширенные от ужаса зрачки:

— Алеша, посмотри на меня. Дыши ровно носом. Я держу тебя за руку, слышишь? Мы рядом, мы не дадим тебе упасть. Сейчас поможем.

Парень судорожно выдохнул, замер, намертво вцепившись в мои пальцы. За секунды я обезжирила кожу спиртом, закрепила электроды и затянула манжету. Монитор забил тревожный ритм: пульс 120, давление 95 на 55.

— Вены спались, периферия пустая! Ставьте подключичку! — в бешенстве крикнул Власов, видя, как Света дважды проколола локтевой сгиб, надувая синяки.

— Потеряем три драгоценные минуты, — спокойно ответила я, оттесняя коллегу бедром.

Жгут на среднюю треть предплечья, легкая пальпация головной вены кончиками пальцев — и под углом в пятнадцать градусов я ввела толстую иглу серого катетера 16G. В прозрачной камере мгновенно закипела густая темная кровь. Катетер плавно вошел в вену на всю длину.

— Венозный доступ есть, — доложила я, подключая инфузию раствора Рингера.

Власов бросил через плечо короткий, изменившийся взгляд:

— Быстро. Чистая работа. Начинаем индукцию.

* * *

— Вводный наркоз, — скомандовал Власов, вставая у изголовья стола с ларингоскопом. — Фентанил ноль один, пропофол сто сорок болюсно. Релаксанты по расслаблению нижней челюсти.

Я подошла к инфузионной стойке. Набрав в шприц мутную эмульсию из флакона «Серии 04-Б», я подсоединила его к боковому порту катетера. Поршень мягко пошел вперед.

Едва три миллилитра препарата растворились в венозном русле, как кожа предплечья Алексея вдоль хода сосуда побелела, словно ошпаренная кипятком. Парень внезапно выгнулся на столе дугой, пальцы сжались в судорожный кулак, из горла вырвался сдавленный крик:

— Жжет!.. Внутри все горит!..

— Стоп инфузия! — я мгновенно перекрыла трехходовой кран, промывая катетер струей физраствора. — Руслан Сергеевич, аномальная сосудистая реакция, химический спазм вены!

— Вводите медленнее, он просто не загрузился, — нахмурился Власов.

Я осторожно добавила еще два миллилитра, не отрывая взгляда от кардиомонитора. И в следующую секунду операционную накрыл кошмар. Вместо мышечного расслабления тело

Алексея забилося в тяжелых клонических судорогах. Шею, лицо и верхнюю половину груди на глазах залила багровая токсическая крапивница.

— Сатурация восемьдесят пять! Семьдесят восемь! Падает! — вскрикнула Света.

— Анафилактический шок! Токсический криз! — я сорвала дыхательную маску, намертво прижала ее к лицу Алексея и открыла стопроцентный кислород на полный поток.

Цифры давления на мониторе рухнули камнем вниз: 70 на 30... 55 на 20... Пульсовая волна сгладилась в нитевидную дрожь. Токсичный химический растворитель, добавленный в эмульсию вместо очищенного медицинского масла, парализовал периферические сосуды за секунды.

Не дожидаясь распоряжения, я выхватила из кармана заранее подготовленный норадреналин, ввела титрованный болюс в катетер и открыла коллоидный раствор под давлением манжеты. Давление качнулось, поднявшись до 85 на 50, но дыхательный мешок аппарата в моих пальцах внезапно стал абсолютно «деревянным».

Воздух не шел в легкие. Сопротивление вдоху взлетело до критических пятидесяти сантиметров водного столба. Слизистая ротоглотки на глазах распухла водянистым отеком Квинке. Язык увеличился вдвое, небные дужки вздулись плотным валом, наглухо закупоривая дыхательные пути.

— Тотальный ларингоспазм! — выдохнула я, вводя максимальную дозу преднизолона и выводя челюсть тройным приемом Сафара. Я тянула нижнюю челюсть парня вперед и вверх с такой силой, что в запястьях зазвенели натянутые сухожилия. Это дало крошечную щель, едва достаточную для клинка.

— Ларингоскоп! Трубку восьмерку с проводником! — крикнул Власов.

Он ввел широкий металлический клинок Макинтоша в ротовую полость, пытаясь отжать корень языка. Но гортань была полностью залита пенистым серозным секретом, а надгортанник превратился в огромный багровый шар, закрывший вход в трахею.

— Ни черта не видно! Полная obturация! Связок нет! — глухо выругался Власов, вслепую упираясь трубкой в глухой заслон отека.

Я схватила жесткий наконечник вакуумного аспиратора Янкауэра, протиснула его вдоль клинка и с шипением отсосала двести миллилитров пенящейся слизи. Но под ней открылась не анатомическая гортань, а сплошной фиолетовый мышечный вал. Стандартная интубация потерпела крах.

— Скальпель мне! Экстренную коникотомию на столе! — в панике закричал хирург, протягивая руку операционной сестре.

Шея у парня была мощная, борцовская, подкожная клетчатка заплывала водянистым отеком, ориентиры хрящей полностью смыло. Попытка резать скальпелем вслепую в этой анатомической неразберихе гарантированно рассекла бы сонную артерию или щитовидный перешеек, залив трахею кровью.

Я накрыла ладонью руку хирурга со скальпелем:

— Стойте! Зальете дыхательные пути кровью! У меня с собой буж Эшмана, я зайду через отек изнутри! Дайте мне тридцать секунд!

Хирург опешил, готовый взорваться бранью, но Власов встретил мой взгляд — в моих глазах не было паники, только расчетливая, звенящая уверенность.

— Отставить скальпель! — рявкнул Власов на оператора. — Гордеева, работай! Я держу корень языка!

Сатурация на мониторе упала до критических 52%. Секундная стрелка часов на стене отсчитывала последние мгновения жизни мозга. Я зубами сорвала оболочку стерильного чехла, извлекая длинный упругий проводник. Тонкая полоска эластичного пластика с характерным загнутым носиком была последней надеждой.

Глава

2

— Я держу язык из последних сил, щели нет вообще! — сквозь зубы бросил Власов, сжимая рукоять ларингоскопа обеими руками. По его вискам катился градом пот.

Алексея бил тяжелый жевательный тризм — челюсти смыкались с силой капкана. Я засунула большой палец левой руки за коренные зубы парня, превратив собственную кисть в живую костяную распорку. Острая эмаль прокусила латекс до крови, но я держала челюсть намертво.

Правой рукой я взяла буж Эшмана за середину, направив загнутый кончик строго по средней линии ротоглотки. Отек был плотным, горячим, скользким. Визуального контроля не существовало. Мир сжался до кончиков моих пальцев.

Первое касание: кончик бужа мягко уперся во что-то податливое и гладкое. Пищевод. Смертельная ошибка. Если протолкнуть трубку туда — легкие разорвет воздухом в желудок, а мозг погибнет от аноксии.

— Назад, — хладнокровно приказала я себе.

Я оттянула стержень на два сантиметра назад, повернула ось проводника по часовой стрелке ровно на пятнадцать градусов и мягким, вибрирующим дугообразным движением повела клюв вперед и вверх, прямо под дугу перстневидного хряща.

И пальцы обожгло отчетливой серией упругих толчков: *trrr-trrr-trrr*. Буж заскользил по хрящевым полукольцам трахеи! Этот тактильный феномен трахеальных щелчков заставил сердце пропустить удар.

— В трахее! — крикнула я. — Трубку семерку на буж!

Власов насадил смазанную трубку на свободный конец проводника. Она скользнула вниз, как по рельсу, но на уровне голосовых складок намертво встала — срез уперся в спазмированный правый черпаловидный хрящ.

— Стопорит! — выдохнул Власов.

— Поворот на девяносто градусов против часовой стрелки! Ввинчиваем! — скомандовала я.

Наши руки сомкнулись на скользком пластике трубки. Единым синхронным винтовым движением в четыре руки мы провернули ее вокруг оси бужа. Раздался мягкий щелчок — трубка преодолела мышечный блок и провалилась в трахею на двадцать один сантиметр.

И в то же мгновение монотонный писк кардиомонитора перешел в сплошной, леденящий непрерывный вой. Зубцы ЭКГ на экране распрямились в горизонтальную черту. Асистолия. Остановка сердца от запредельной гипоксии прямо в момент победы.

— Раздувай манжету! — крикнула я, выдергивая буж. Десять кубиков воздуха из шприца загерметизировали контур. Я спрыгнула с подставки, сцепила пальцы в жесткий замок и всем телом навалилась на нижнюю треть грудины Алексея:

— Качаю! Руслан, адреналин в центральную вену!

Раз, два, три, четыре, пять. Мои локти были прямыми, удары грудины уходили на пять сантиметров вглубь. Плечи жгло огнем. Хирург застыл, Света прижала ладони к губам, но Власов действовал безупречно — игла с адреналином вонзилась в катетер. На шестом качке

грудная клетка дрогнула, и на экране монитора из плоской линии вырвался острый комплекс QRS, затем второй, третий! Синусовый ритм восстановился: пульс 90, правильный!

Я схватила фонендоскоп, слушая легкие. Власов уже ритмично сжимал мешок аппарата ИВЛ:

— Дыхание?

— Проводится симметрично с обеих сторон! Везикулярное, чистое!

Капнограф выдал прямоугольную кривую: EtCO₂ — 38 мм рт. ст. Сатурация начала стремительно карабкаться вверх: 65... 80... 92... 98%! На синюшные щеки парня стал возвращаться живой розовый цвет.

Хирургическая бригада тяжело перевела дыхание.

— Вскрывать живот? — нерешительно спросил молодой ординатор Денис Щукин.

Власов выпрямился во весь рост. Его рука опустилась мне на плечо — тяжелая, теплая, спокойная:

— Вскрывать. Вентиляция стабильная, гемодинамика под контролем. Анестезию держим мы с Гордеевой.

В операционной загремели металлические зажимы. А у меня внезапно подогнулись колени — запоздалый адреналиновый откат накрыл волной слабости. Я покачнулась у наркозного аппарата, теряя равновесие.

Сильная рука Власова мгновенно обвила мою талию, прижимая меня к своему широкому, твердому телу и не давая упасть на кафедру. Сквозь ткань костюма я почувствовала жар его ладони и бешеное биение его сердца.

— Держись, Тома, — тихо, с незнакомой хрипотцой произнес он прямо мне в ухо. — Ты вытащила его с того света. Слышишь? Ты сотворила чудо.

Я подняла глаза и утонула в его серых глазах, полных потрясения и искреннего восхищения. Сердце под моей ключицей сбилось с профессионального ритма, отозвавшись сладкой, трепетной женской волной.

* * *

Через полтора часа операция была завершена: разрыв селезенки ушили, кровотечение остановили. Алексея на аппарате вспомогательной вентиляции перевели в палату пробуждения. Напряжение спало, сменившись гулкой тишиной больничного коридора. Я вышла в процедурную ОРИТ, сняла перчатки и тщательно вымыла руки.

В желтом педальном баке для опасных медицинских отходов класса «Б» лежал выброшенный флакон «Серии 04-Б». Я слишком хорошо знала повадки больничной администрации: если пациент выжил, бракованную партию постараются сжечь до прихода любой проверки.

Дверь скрипнула, вошла санитарка Люба с черным мешком для мусора:

— Клавдия Ивановна велела срочно вынести пластик в автоклавную на уничтожение.

— Люба, обожди пять минут, — я мягко, но непреклонно встала между ней и баком. — Мне нужно переписать номера серий для журнала списания наркотиков, иначе старшая со свету сживет.

Санитарка махнула рукой и вышла за тележкой. У меня было ровно три минуты.

Натянув свежие перчатки, я достала стеклянный флакон из контейнера. На доньшке оставалось около полутора миллилитров мутной жидкости с отчетливым химическим запахом

растворителя. Оставлять его открытым было нельзя — летучие фракции яда могли испариться, но и сам флакон с оригинальной заводской маркировкой «Серия 04-Б» представлял собой бесценное вещественное доказательство. Инсулиновым шприцем я проколола резиновую пробку и разделила остатки эмульсии на две порции, перелив их в герметичные пластиковые криобирки Эппендорфа с завинчивающимися крышками. Сам пустой стеклянный флакон с неповрежденной этикеткой и резиновой пробкой я аккуратно протерла спиртовой салфеткой и уложила вместе с эппендорфами в плотный стерильный пакет-слайдер с двойным замком.

Теперь требовалась кровь больного. Пока почки Алексея не вывели чужеродные химические примеси, в его крови циркулировала максимальная концентрация токсина. Я прошла в палату пробуждения, взяв со столика три вакутайнера с антикоагулянтом ЭДТА.

У койки дежурила Света, капая плазму:

— Тома, зачем опять вену колоть? Начмед Зимин ругается за перерасход пробирок.

— Токсикокинетический контроль по прямому распоряжению Руслана Сергеевича, — улыбнулась я. — Не переживай, я сама запишу всё в лист назначений.

Из катетера я быстро набрала десять миллилитров венозной крови, аккуратно перемешала пробирки и спрятала их во внутренний карман куртки.

Температура хранения токсинов — строго минус двадцать градусов. В процедурной стоял высокий холодильник с термолабильными сыворотками, но морозильный отсек был заперт на массивный кодовый замок. Я подошла вплотную: на никелированных барабанах цифры 1, 9, 8 и 4 были заметно затерты от частых прикосновений. 1984 — год прихода Клавдии Ивановны в больницу, указанный на юбилейной фотографии у сестринского поста.

Пальцы провернули колесики: один, девять, восемь, четыре. Щелчок — стальная дужка открылась. Морозный пар пахнул в лицо. Я поместила пробирки с кровью Алексея в общий пакет-слайдер к эппендорфам и заводскому стеклянному флакону с маркировкой серии. Затем, отодвинув коробку с донорским двадцатипроцентным альбумином, надежно уложила весь комплект вещдоков в самый дальний угол испарителя.

Затем я достала из блокнота номерную индикаторную пломбировочную ленту, наклеила полосу поперек стыка коробки и расписалась ручкой с микроточками. Любая попытка сорвать пломбу проявила бы несмываемую надпись «OPENED».

В коридоре послышались тяжелые шаги. Я захлопнула морозильник, защелкнула замок, сбила шифр на нули и взяла марлевую салфетку со спиртом.

Когда дверь распахнулась, Клавдия Ивановна застала меня за протиранием манипуляционного столика. Рядом с ней стоял представительный мужчина в белоснежном суконном халате с золотым стетоскопом на шее.

— Гордеева! — рявкнула старшая. — Что ты тут вынюхиваешь?! Тебя начмед вызывает на ковер!

Я спокойно отложила салфетку, сняла маску и встретила их взгляды невозмутимым взглядом:

— Провожу текущую дезинфекцию процедурной. К начмеду — значит к начмеду. Я готова.

Глава

3

На сестринском посту ОРИТ стояла гробовая тишина. Начмед больницы Пётр Аркадьевич Зимин, пахнувший дорогим парфюмом и табаком, с силой грохнул ладонью по стойке поста:

— Гордеева! Кто позволил вам сеять панику в оперблоке?! Что за бред про токсический криз и брак партии?! Вы понимаете, что своими нелепыми заявлениями позорите флагманскую клинику города в первый же рабочий день?!

Я выпрямилась, глядя ему прямо в лицо:

— Пётр Аркадьевич, у пациента развился коллапс гемодинамики и тотальный отек гортани на третьем миллилитре вводного наркоза. Если бы мы промедлили сорок секунд, парень был бы в морге. Клиническая картина токсического шока внесена в наркозную карту.

— Никаких записей о «Серии 04-Б» здесь не будет! — взвизгнул Зимин, выдергивая бланк из папки. — Напишите: «индивидуальная непереносимость сои»! Этот контракт утвержден департаментом здравоохранения! Вы хотите сорвать поставки по всей столице?!

Он занес руки, собираясь демонстративно разорвать карту пополам.

— Руку убери, Зимин.

Голос полоснул ледяной сталью. Из бокса бесшумно вышел Власов. Его пальцы сомкнулись на запястье начмеда, словно титановый зажим. Зимин дернулся, побелев от боли, но вырваться не смог. Лист лег обратно на стойку.

— В моем отделении диагнозы ставлю я, — негромко, но отдельно произнес Власов. — Пациент получил тяжелое отравление техническими примесями суррогатного дженерика. Гордеева спасла ему жизнь. Еще раз повысишь голос на моих сотрудников или тронешь документацию — я лично передам дубликат карты в прокуратуру. Вместе с актом брака всей партии Баранова.

— Ты пожалеешь об этом, Власов! — прошипел Зимин, потирая побагровевшее запястье. — Завтра здесь будет комиссия министерства и сам генеральный директор компании Баранов! Вы оба вылетите отсюда с волчьим билетом!

Начмед круто развернулся и зашагал к лифтам, старшая медсестра торопливо засеменила следом.

Буря утихла. Власов повернулся ко мне:

— Гордеева. В ординаторскую. Быстро.

Мы вошли. Власов запер дверь, нажал кнопку кофемашины, наполнив комнату густым ароматом свежих зерен. Мышцы спины и плеч ныли после реанимации. Шеф молча протянул мне большую керамическую кружку с горячим черным кофе:

— Пей, Тома. Без сахара. Ты сегодня выдержала то, на чем ломаются доктора наук.

Имя «Тома», произнесенное его глубоким голосом, отозвалось неожиданным интимным теплом среди казенных стен.

— Спасибо, Руслан Сергеевич. За то, что не дали Зимину разорвать правду.

— За правду не благодарят.

Я сделала глоток обжигающей горечи и тихо произнесла:

— Руслан Сергеевич, во флаконе был запах технического ацетона. Я не выбросила улику. Оригинальный заводской флакон с остатками эмульсии в криопробирках и три вакутайнера крови Алексея спрятаны в морозильнике за альбумином. Под кодовым замком и моей номерной пломбой с микроточками. Нам нужна независимая токсикологическая экспертиза.

Власов замер с чашкой в руке. На его суровом лице отразилось искреннее изумление, мгновенно сменившееся глубоким уважением:

— Ты спрятала пробы?.. Под пломбу? Господи, Тома... Ты мыслишь не как медсестра. Ты мыслишь как офицер контрразведки. Без них Зимин уничтожил бы все концы к вечеру.

— Я привыкла бороться за пациентов до конца, — ответила я. — Моя смена окончена? Я могу переодеться?

— Нет, Тома. Твоя смена не окончена, — он подошел вплотную, глядя прямо в мои глаза. — В ночь дежурит молодая дежурантка, она растеряется при почечном кризе. А этот парень еще не прошел пик интоксикации. Я остаюсь на ночное дежурство за старшего врача. И ты останешься со мной.

Его рука бережно и уверенно легла на мое плечо:

— Ты нужна мне здесь. Мы должны сами довести его до утра. Вдвоем. Ты останешься?

Воздух между нами задрожал от внезапного электрического напряжения. Под слоем многолетней боли и недоверия к мужчинам вспыхнул робкий, сладкий огонек забытого трепета. Я посмотрела на его сильное лицо и открыто улыбнулась:

— Я остаюсь, Руслан Сергеевич. Пациента мы никому не отдадим.

* * *

Двадцать часов тридцать минут. В реанимационном зале погасили верхние плафоны. В полумраке осталось лишь изумрудное и синее свечение мониторов, дробно отражающееся в зеркально вымытом полу. Дневная смена шумно переодевалась в сестринской.

Я подошла к первой койке. Алексей лежал неподвижно. Его грудная клетка мерно поднималась в такт тихому шипению клапана аппарата Hamilton, работавшего в режиме синхронизированной вентиляции SIMV. Синюшность с лица ушла, уступив место здоровой бледности.

Сдающая смену Галина — рослая медсестра-дежурантка — уже накинула плащ и нервно звенела связкой ключей:

— Гордеева, ну что ты там высматриваешь? Парень спит как убитый, сатурация девяносто семь. Расписывайся в журнале, мне на электричку в Подольск бежать надо!

— После токсического ларингоспазма застой мокроты — прямой путь к обтурации бронха, — ответила я не оборачиваясь. — Пока не saniрую трахею и не проверю газы артерии — смену не приму. Спешись — иди, я распишусь сама.

Галина фыркнула, но осталась у двери.

Я щелкнула тумблером вакуумного аспиратора. Мотор отозвался низким гулом. Вскрыв катетер десятого калибра, я ввела его в трубку до карины трахеи. Прижав боковое отверстие пальцем, я плавным винтовым движением потянула катетер назад. В прозрачную трубку устремилось около двадцати миллилитров вязкого секрета, перекрывавшего правый бронх.

Аппарат вздохнул свободнее. Давление вдоха на дисплее тут же снизилось с двадцати шести до девятнадцати миллибар. Воздух пошел чисто, оба легких расправились синхронно.

Сняв перчатки, я взяла манометр для контроля манжеты. Соединила канюлю с пилотным баллончиком. Стрелка застыла на пятнадцати сантиметрах водного столба — слишком мало. Манжета подтравливала, слюна могла просочиться в дыхательные пути.

Взяв шприц, я ввела в клапан три миллилитра воздуха. Стрелка уверенно поднялась до двадцати четырех сантиметров водного столба. Герметичность восстановилась, слизистая трахеи была защищена от ишемии.

— Травила манжета, — бросила я Галине. — Еще полчаса — и захлебнулся бы.

Та промолчала и тихо выскользнула за дверь.

Теперь — кровь на газы. У правого запястья Алексея стоял катетер лучевой артерии. Взяв гепаринизированный шприц, я повернула трехходовой кран. Поршень пошел туго: в канюле

виднелся сгусток. Промыв линию физраствором с цитратом натрия, я потянула шприц. В цилиндр хлынула алая артериальная кровь. Набрав шесть десятых миллилитра, я закрыла порт и зажала артерию тампоном.

В шлюзовом боксе экспресс-лаборатории мерно гудел анализатор ABL-800. Я вставила шприц в порт и нажала клавишу. Прибор вдруг противно запищал, выдав тревогу: «Error 402: Ошибка калибровки оптического электрода рО₂».

Ждать лаборантку означало потерять время. Сняв боковую панель, я нащупала защелку кюветы. Выдвинув кассету, увидела белковый налет на линзе. Смочив салфетку буферным очистителем, бережно протерла кварцевое окошко датчика, вернула кассету в паз и запустила промывку.

Прибор прогнал калибровку и через девяносто секунд выплюнул узкий чек:

рН — 7,39.

РаО₂ — 98 мм рт. ст.

РаСО₂ — 38 мм рт. ст.

Лактат — 1,2 ммоль/л.

Сердце сжалось от облегчения: токсический ацидоз полностью компенсирован. Алексей дышал и жил.

Вернувшись на пост, я включила настольную лампу. Теплое янтарное пятно легло на реанимационную карту. Четким почерком я внесла графики диуреза, гемодинамики и газов.

Оставалось проверить тайник. По безлюдному коридору я дошла до процедурной № 2. Ручка не поддавалась: дверь была заперта изнутри на задвижку, за ней слышался металлический звон ведра.

Я постучала ключом по филенке:

— Откройте, идет прием дежурства!

Задвижка щелкнула. Санитарка тетя Валя виновато сжала швабру:

— Ой, Тамарочка Васильевна, полы домываю, Клавдия Ивановна велела плитусы оттереть...

— В режимных кабинетах запирается запрещено, — спокойно напомнила я.

Санитарка торопливо собрала тряпки и ушла.

Я подошла к фармацевтическому холодильнику в углу, распахнула морозильный отсек. Из глубины пахло сухим ледяным холодом. За упаковками плазмы лежала коробка с надписью «Альбумин 20%».

Я подсветила фонариком: номерная индикаторная пломба-лента с микроточками была нетронута. Под ней при минус двадцати в герметичном пакете-слайдере покоились оригинальный стеклянный флакон «Серии 04-Б», криопробирки с эмульсией и кровь Алексея.

Главная улика против Баранова находилась в полной безопасности. Я заперла холодильник и вернулась на пост.

* * *

Около десяти вечера коридор погрузился в тягучую больничную тишину. Из полумрака донеслись тяжелые шаги: накрахмаленный халат шуршал резко и колюче.

Клавдия Ивановна подошла к стойке. Провела пальцем в белой перчатке по лакированному столу и поднесла к свету:

— Пыль ищем, Гордеева?

— Пост сдан чистым, Клавдия Ивановна, — ответила я, не отрываясь от листа назначений.

— Не спеши хорохориться. — Она швырнула на стойку картонную папку. — Начмед Зимин распорядился перевести тебя с утра на санитарскую ставку в гнойный изолятор. Слишком много гонору для провинциалки. Здесь профессура работает.

Внутри похолодело, но воспоминания об унижениях бывшего мужа больше не парализовали меня. Я подняла взгляд, глядя ей прямо в глаза:

— Штатное расписание реанимации подписывает заведующий отделением. Я на этом посту по приказу Власова. Без его подписи ваши слова силы не имеют.

Клавдия Ивановна побелела:

— Ты еще смеешь мне перечить?!

Она шагнула к стальному сейфу группы «А», где хранились наркотические анальгетики:

— Ни одной ампулы фентанила на ночь не получишь! — прошипела она, пряча ключи в карман. — Лимит исчерпан! Будешь капать то, что осталось, а станет рвать трубку — держи его руками!

Я встала, достала лист назначений с гербовой синей подписью Власова и положила на дверцу сейфа:

— Отказ в выдаче планового анальгетика — это статья 124 Уголовного кодекса: заведомое неоказание помощи. Если у больного начнется шок — протокол с вашим отказом в восемь утра ляжет на стол прокурора. Открывайте сейф.

Старшая медсестра застыла. С яростным скрежетом повернула ключ в замке, распахнула дверцу и швырнула на лоток две ампулы фентанила и релаксанта:

— Расписывайся!

В книге предметного учета под моей фамилией красовалась пустая графа с пометкой карандашом: «Серия 04-Б, 10 ампул, списано по акту боя». Она пыталась списать партию ядовитого брака за мой счет.

Не говоря ни слова, я взяла ручку, перечеркнула пустую строку жирной буквой «Z» и четко вписала только полученные препараты с их реальными номерами.

Клавдия Ивановна сорвалась на визг:

— Ты кем себя возомнила, выскочка?! Я сорок лет в этой больнице, я тебя в порошок сотру, с волчьим билетом по этапу пушу!..

— Клавдия Ивановна.

Голос прозвучал негромко, но с такой гранитной тяжестью, что крик оборвался мгновенно.

Из ординаторской вышел Руслан Власов. Его мощная двухметровая фигура в темном костюме нависла над старшей медсестрой. Серые глаза смотрели на нее с уничтожающим спокойствием:

— Голос понизьте. Здесь реанимация, а не базар. Больные спят.

— Руслан Сергеевич... — залепетала та, втягивая голову в плечи. — Новенькая хамит, субординацию ломает, начмед просил проверить...

Власов шагнул вперед, полностью закрыв ее своей тенью:

— Повторяю один раз. Тамара Гордеева — старший анестезист этого дежурства и моя правая рука. Любое ее распоряжение приравнивается к моему прямому приказу. Если я еще раз услышу претензии в ее адрес — завтра в девять ноль-ноль на столе главврача будет лежать ваше заявление об уходе на пенсию. Без выходного пособия. Вопросы есть?

Клавдия Ивановна побледнела до синевы. Судорожно сглотнув, она едва слышно выдавила:

— Все понятно...

Она развернулась и почти бегом скрылась в темноте коридора.

На посту повисла тишина. Колени у меня мелко дрожали от пережитого напряжения.

— Руслан Сергеевич... спасибо, — тихо сказала я. — Но она пойдет к Зимину, начнутся интриги...

Власов посмотрел на меня. Черты его лица смягчились, во взгляде проступила глубокая человеческая усталость:

— Я защищаю отделение от крыс, Тома. В реанимации нельзя ждать удара в спину. Здесь должна быть абсолютная вера в напарника.

Он указал на дверь своего кабинета:

— Передай пост Лене на двадцать минут. Пойдем в ординаторскую. Я сварю нормальный кофе.

Глава

4

В ординаторской царил мягкий полумрак. На рабочем столе белели стопки историй болезней и раскрытые монографии. На матовом стекле негатоскопа светился контрольный рентгеновский снимок легких Алексея. За окном шелестел холодный ночной дождь, омывая городские тополя.

Пахло свежим помолом, кардамоном и старыми книгами.

Руслан повесил халат на спинку стула, оставшись в темно-синей футболке, подчеркивавшей его мощные плечи. Он стоял у высокой кофемашины Gaggia, держа начищенный латунный холдер.

— Давайте я помогу, Руслан Сергеевич, — предложила я у порога. — Вы двенадцать часов на ногах...

Он оглянулся и улыбнулся — открыто, чуть лукаво и очень тепло:

— Садись на диван, Тома. Забудь на четверть часа про субординацию. Кофе здесь готовит тот, кто выше ростом. Это закон моего дежурства.

Я опустилась на кожаный диван, сбросив дежурные сабо. Непривычный покой окутал уставшее тело.

Власов действовал скупой и точно: прогрел чашки паром, засыпал темный порошок, прижал тяжелым темпером, бросил щепотку кардамона и кристалл морской соли:

— Соль снимает лишнюю горечь и раскрывает масла.

Машина заурчала, наполняя чашки густым ореховым напитком с плотной пенкой.

Руслан шагнул ко мне. Фарфор был горячим. Заметив, как я неловко перехватываю блюдце, он мягко подхватил чашку снизу своими широкими сухими ладонями, помогая мне удержать ее.

Наши пальцы соприкоснулись. Тепло его кожи обожгло меня слаще любого кофе. По рукам прокатилась легкая, пьянящая волна. Руслан не отдернул руки — он лишь посмотрел мне в глаза с таким глубоким пониманием, что сердце замерло.

— Пойдем к окну, — тихо сказал он.

Мы встали у широкого подоконника. Внизу мокро блестел асфальт, фонари расплывались в лужах.

Я сделала глоток: вкус был терпким, глубоким, с пряной искрой.

— Руслан... — не удержалась я. — Говорят, Самойлов три года назад звал тебя в федеральный кардиоцентр, на кафедру неотложной кардиологии. Почему ты отказался?

Власов усмехнулся:

— Звал. Трижды звонил, даже квартиру на Ленинском проспекте обещал.

— Почему не поехал?

Он повернулся ко мне, облокотившись о раму:

— Там чиновничья возня, Тома. Бумажки, дележка кресел и банкеты. А я реаниматолог. Мое место у больного. Я хотел построить лучшую экстренную реанимацию здесь, где спасают

простых людей, а не министерские отчеты. И мне удавалось держать удар. До этой ядовитой партии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.